

У. СИСТЕМА КРЕПОСТНОГО ХОЗЯЙСТВА.

1. Отношение крепостного хозяйства к другим экономическим формам.

Крепостнические отношения точно так же развиваются из феодальных отношений средних веков, как из феодальных отношений древнего мира развились рабовладельческие отношения. Таким образом между рабовладельческой и крепостнической системами нет связи преемственности. Правда, у германцев, кельтов и славян, развитие которых составляет главное содержание средневековой истории, были рабы, в некоторых странах рабство удерживалось до очень позднего времени: напр., в Англии до XI века, в России еще дольше. Но оно остановилось на ступени преимущественно так называемого «домового рабства», при котором рабы являются в роли домашней прислуги,—нигде в Европе на сколько-нибудь продолжительное время не сделалось базисом производственных отношений, и во всяком случае не оно дало начало крепостничеству. Конечно, продажа «полона», т.-е. торговля побежденными, взятыми в плен, играла крупную роль даже в позднейшей новгородской торговле; однако невольники входили в систему хозяйства не продавцов, а покупателей: арабов, турок, персов и т. д., т.-е. не европейских, а азиатских и африканских народов, или же и для них не имели хозяйственного значения, представляя предмет роскоши (невольницы, продаваемые в гаремы). В средние века история начинается как бы снова, отправным ее пунктом служат феодально-родовые отношения, близко напоминающие «догосударственный» быт древнейших Востока и античного мира. Но развитие совершается здесь в иной естественной и исторической обстановке, и потому крепостнические отношения, возникающие из феодальной системы в деревне, представляют глубокое отличие от древнего рабства.

Хотя в деревне крепостничество непосредственно возникает из феодализма, однако, если рассматривать экономические отношения в целом, между этими двумя системами вторгаются два важных звена: ремесло и торговый капитал. Хронологическая последовательность типичных общественных форм в средневековой Европе была такова: феодализм, ремесло, торговый капитал, крепостное право. Предпосылкой крепостнических отношений была известная ступень в развитии общественного разделения труда между деревней и городом, т.-е. развитие средневекового города, выполняющего

вполне определенные, общественно-необходимые производственные функции, гораздо более значительные и важные, чем производственные функции древнего города, почти исключительно города-потребителя.

В расцвет феодальной эпохи в центре господствующей экономической организации стоял сеньер, который суверенно подчинял себе все хозяйственные отношения. Для него существовала усадьба, для его усадьбы существовала деревня, и он же налагал господствующий отпечаток на всю жизнь тогдашнего города. Ремесло и торговля были просто одним из элементов его потребительного хозяйства, ремесленник и торговец были простой принадлежностью все той же усадьбы или деревни; последняя в свою очередь все более развивалась в совершенно пассивный придаток к усадьбе. Таким образом собственно в феодальном мире экономическая жизнь истощается жизнью усадьбы; здесь нет места развитию новых производственных форм, которые могли бы извне воздействовать на усадьбу.

Но в ходе развития средневековой Европы город сбрасывает с себя экономическую зависимость от феодального сословия. Возникающие в нем новые самостоятельные сословия ремесленников и в особенности торговцев все более отрываются от натурально-хозяйственных отношений, все исключительнее связывают свое существование с развитием обмена. Исходя из городов, новые отношения понемногу пронизывают все средневековое общество. Приспосабливаясь к условиям, складывающимся в городах, феодал шаг за шагом превращается в помещика.

Экономическая история собственно средневековой Европы есть история феодализма, ремесла и торговли, из мелкой ремесленной и крупной эпизодической постепенно развивающейся в капиталистическую. Напротив, переход от феодальных отношений к крепостническим и в особенности полный расцвет последних в большинстве стран относится к новому времени, к эпохе, когда разлагающееся ремесло уже отживало свое время, когда первоначальное накопление справляло свои оргии в Старом Свете и в новых колониях, когда капитал уже переходил к организации крупных промышленных предприятий в форме мануфактуры. С другой стороны, помещная, или крепостническая система обнаруживает такую высокую эластичность и приспособляемость, что, зародившись на пороге торгово-капиталистической эпохи, она пережила мануфактурный период и рухнула в Австрии, Германии и в особенности в России в эпоху, когда совершался переход от мануфактурного к машинному периоду капитализма.

Таким образом, рассматривая велед за феодализмом и рабством не ремесло и не возникновение торгового капитала, а крепостническую систему, мы нарушаем хронологическую последовательность изложения. Не внешнее сходство с раб-

ством — несвобода земледельческого населения — и ее возникновение из средневекового феодализма сами по себе не могли бы оправдать такого отступления. Решающими могут быть только *внутренние* сходства и различия в способах производства.

До сих пор мы рассматривали экономические системы с преобладающе натурально-хозяйственными отношениями каждой экономической ячейки, не исключая даже рабовладельческого хозяйства, стремятся удовлетворить все свои потребности собственным производством. В обмен поступают первоначально только избытки *предметов потребления*; и даже на высших ступенях феодальной и рабовладельческой системы обмен просто восполняет те *предметы потребления*, в которых нуждается глава хозяйства, в первую очередь сеньер или рабовладелец.

Вот в этом-то отношении крепостническая система и представляет глубокое сходство с рассмотренными экономическими формами. Крепостное хозяйство до конца остается хозяйством *потребительного* типа. Конечно, чем дальше, тем большая доля продуктов производится в поместье уже не как предметы непосредственного потребления, а как *товары*, не как *потребительные* стоимости, а как *меновые* стоимости. Но продажа этих продуктов является просто посредствующим звеном в превращении их из одной потребительной формы, — в которой помещик, в данный момент не нуждается, — в другую непосредственно *потребительную* же форму. Следовательно, производство стоимостей является для поместья, вообще говоря, еще не самоцелью, — или, точнее, не средством для накопления их в денежной форме, — а просто средством для личного потребления. Это обстоятельство отчасти сближает крепостное хозяйство с ремеслом, — с той только разницей, что последнее в своей развитой форме еще теснее и глубже связано с рынком.

Таким образом, помещичье хозяйство (и ремесло) заканчивает историю тех старых, биологически возникших и стихийно изменявшихся хозяйственных форм, ближайшей и единственной целью которых было личное потребление. Но поскольку непосредственное производство потребительных стоимостей отстает на задний план перед производством меновых стоимостей, постольку поместье (и ремесленное производство) представляет решительный разрыв с натурально-хозяйственными формами и является переходной ступенью к развитому меновому хозяйству. В таком случае помещик (как и ремесленный мастер) приближается к капиталистическому предпринимателю, — и превращается в капиталистического предпринимателя, если совершается переход от отношений принудительного труда к отношениям вольного найма.

Крепостная зависимость в экономическом смысле очень явно ограничивается от рабского состояния. Потребительное хозяйство (*Haushalt*) рабов может быть обособлено от

потребительного хозяйства господина; но собственного производительного хозяйства у них нет, они — просто орудие производства, целиком принадлежащее, как и земля и орудия труда, господскому производительному хозяйству. Напротив, крепостной крестьянин ведет не только собственное потребительное, но и собственное производительное хозяйство. Он только частью своего существования, только некоторой долей своей рабочей силы принадлежит помещицкому производству. Следовательно, он располагает необходимыми условиями и средствами производства: землей, и орудиями труда. Пока он не целиком включен в господское производство, он — крепостной, а не раб. Напротив, так называемые дворовые крестьяне, живущие при усадьбе, экономически ничем не отличаются от рабов.

Обыкновенно выдвигается еще целый ряд признаков, которые должны отличать крепостного крестьянина от раба. Но все это — признаки более или менее шаткие. В Голштинии, Макленбурге и Померании XVIII века и в России вплоть до реформы крестьян продавали отдельно от имения, проигрывали в карты, вообще распоряжались ими, как бездушным товаром. Некоторые находят, что такие факты говорят о существовании в упомянутых странах не только крепостного права, но и настоящего рабства. Конечно, в момент продажи положение крестьянина ничем не отличалось от раба. Но это еще ничего не говорит о тех *экономических* отношениях, в которых крестьянин жил до, продажи и будет жить после продажи. Точно так же некоторые исследователи признают, что в Австрии существовало и рабство, так как помещики в целом ряде областей заявляли притязание на все имущество, оставшееся по смерти крестьянина, и ни законодательство, ни обычная практика до половины XVIII века не давали отпора таким притязаниям. На этом же основании положение русских крестьян со второй четверти XVII века сближают с положением холопов, т.-е. рабов. Но все эти факты свидетельствуют только о степени личной несвободы крестьян, о размерах имущественной необеспеченности, но несколько не касаются того строя хозяйства, тех *экономических* форм, в которых протекала жизнь помещика и крестьян.

В некоторых частях Германии и Австрии, начиная с половины XVIII века, а в XIX веке и в России, вводятся небольшие ограничения в права помещика над крестьянином: помещик может продавать крепостных лишь вместе с землей; без земли ему предоставляется продавать только дворовых. Но так как право помещика на перевод крестьян в разряд дворовых в России ничем не было ограничено, то из этого опять делается такой вывод, что крестьянин с эпохи Екатерины II был скорее рабом, чем крепостным. Ясно однако, что экономически единственно правильным был бы тот вывод, что русский помещик имел право *превратить* всякого крепостного в раба.

Наконец, суровость или мягкость фактических отношений между господином и земледельцем является чисто внешним признаком, который мало говорит об экономической стороне этих отношений. Конечно, крепостное право предполагает отсутствие той полной, безграничной, абсолютной зависимости, которой характеризуется рабство. Поэтому как *форма* экономической зависимости оно, несомненно, мягче рабства. Колонат, вполне родственный крепостному праву, и *фактически* был смягчением римского рабства. Но иногда—в Голландии, Мекленбурге, а в особенности в России со второй половины XVIII века,—и помещик осуществлял свою власть с безграничной беспощадностью: истязания, пытки, сознательное забивание до смерти, барщинные работы, захватывающие 6 и даже все 7 дней в неделю, так что на собственные работы у крестьянина оставалось только воскресенье или одни ночи. Хотя отношения по жестокости не уступали рабовладельческому хозяйству, однако и здесь крестьянин был не рабом, а крепостным.

Таким образом остается только один наиболее общий и постоянный признак, который экономически отличает крепостного крестьянина от раба: крепостной—не просто собственность помещика, не только орудие его производства, но в то же время отчасти и самостоятельный производитель. В этом заключается связь крепостного хозяйства с экономически высшими формами. Если собственное производство крестьянина расширяется настолько, что им поглощается вся рабочая сила крестьянина, и если его повинности исчерпываются натуральными, а впоследствии денежными оброками, соразмерными площади землепользования, то мы скажем, что перед нами будут последовательные ступени превращения крепостного крестьянина в арендатора. Уничтожение всяких повинностей или замена их платежами государству превращает его в свободного самостоятельного крестьянина. Наоборот, если барские запашки расширяются на счет крестьянских, то положение крепостного крестьянина, все более приближается к положению раба; наконец, когда вся рабочая сила крестьянина поглощается помещичьим производством, а он переводится в приусадебную дворню, то исчезает всякое экономическое различие между крепостным и рабом. Если крепостной постепенно лишается всех условий и средств производства, но, сохраняя собственную хижину, огород и т. д., восполняет дефициты собственного хозяйства теми продуктами, которые он получает за работу в поместье, то перед нами будут последовательные ступени превращения крестьянина в наемного рабочего. Наконец, когда, лишенный всех средств труда и хижины, он отпускается на все четыре стороны, он становится пролетарием.

Настолько разнородны те экономические формы, которым при различных конкретных условиях может дать начало крепостническая система. И она действительно служила для

них исходным пунктом. Рядом промежуточных звеньев крепостное хозяйство соединялось в истории экономического развития и с капиталистическим, и с самостоятельным крестьянским хозяйством, а в некоторых случаях и с рабовладельческими отношениями. Со стороны же происхождения всего теснее связи крепостного хозяйства с феодальной системой.

2 Превращение феодала в помещика—Развитие крупной земельной собственности и мелкого крестьянского землевладения (Англия).

Те изменения производственной техники, которые лежат в основе перехода феодальных отношений в крепостнические, совершились не в области феодального производства, не в деревне, а за спиной деревенского населения, в городе. *Технические* предпосылки крепостного хозяйства суть предпосылки самостоятельного городского ремесла и в особенности самостоятельной городской торговли, преобразующих социальный быт технически-застойной деревни. Следовательно, о них придется говорить в соответствующих отделах, в связи с развитием средневекового ремесла и торгового капитала. Точно так же мы должны исходить, как из готового факта, из тех перемен в *экономических* отношениях, которые связаны с развитием средневекового города.

Существо этих перемен характеризуется, как решительный переход от натурально-хозяйственных к меновым отношениям. В политической области он привел к возможности такой централизации, какая была немыслима раньше. Земледельческие продукты, которые составляли главную массу доходов феодального сюзерена, допускали перевозку, в особенности по средневековым дорогам, лишь на ограниченные расстояния. Они потреблялись на месте, и потому, хотя бы у сюзерена были огромные владения и вотчины, его силы рассеивались и раздроблялись в пространстве, иногда, быть может, не увеличивались, а уменьшались с дальнейшим расширением феодальных владений.

Переход от натуральных повинностей к денежным, — предполагающий значительное развитие торговли, а следовательно, и средств транспорта, — позволяет преуспевающему объединителю-сюзерену все доходы и непосредственное распоряжение ими концентрировать в своих руках. Слабая зависимость вассальных областей, сводившаяся преимущественно к обязательству военной подмоги, теперь переходит в реальную зависимость, которая выражается в обязательстве регулярных платежей сюзерену и экстраординарных взносов на непредвиденные потребности. Рядом с сеньером появляется уполномоченный сюзерена, королевский или царский чиновник, который в первую очередь следит за исправностью централизующихся платежей, а впоследствии, все более рас-

ширяя свою общественную роль, суживает сферу деятельности сеньера: берет на себя, целиком или отчасти, судебные, полицейские и административные функции, организует прокладку дорог, постройку мостов и т. д. Рядом с иерархией, а потом и над иерархией местных сеньеров, олицетворявших собою экономическую и политическую обособленность областных миров феодальной эпохи, развивается чиновничья иерархия, которая служит выражением централизаторских тенденций новой экономической эпохи. Феодальный союз постепенно превращается в централизованное государство.

Но в то время, как новые экономические отношения, исходящие из городов, приводили к устранению феодала от его прежних мирно-организаторских функций, — в это самое время назревал полный переворот в условиях и методах ведения войны, который наносил смертельные удары также и средневековой, феодальной, рыцарской организации войска. Пока феодал выполнял известные организаторские функции, пока он был общественно-необходимым элементом средневекового общества, не могло быть и мысли об его устранении: такая военная организация, которая оказала бы содействие ниспровержению режима феодального сословия вообще, а не просто замене одних представителей этого сословия другими, была невозможна. Один рыцарь действительно обращал в бегство целые толпы крестьян и горожан. Как замок господствовал над всей областью, так рыцарь, представлявший в своих успехах подвижную крепость, и в открытом поле господствовал над вассальным населением. Для того, чтобы держать в покорности обширную страну, достаточно было численно незначительного рыцарского войска, даже лишенного внутренней организованности, недисциплинированного, неспособного ставить и разрешать сколько-нибудь сложные стратегические задачи, опиравшегося не столько на планомерное сочетание массовых действий, сколько на выносливость и натиск отдельных частей и даже отдельных рыцарей. Средневековые войны в огромной степени оставались рыцарскими турнирами. Таким образом, экономическая автономия средневековых усадеб нашла себе выражение в строе средневекового войска.

По мере того, как эта автономия отживала свой век, и феодалы становились излишними, зависимое население начало вступать в борьбу с рыцарями и выдвинуло свою собственную военную организацию. Рыцарское вооружение было ему не по средствам. У франков, напр., рыцарское снаряжение: щит, панцырь, меч, копьё и боевой конь, оценивалось в 45 коров или 15 лошадей, т.-е. стоило не меньше, чем целое стадо порядочной деревеньки. Плебейское войско возникло как легко-вооруженное войско, как пехота, которая недостатком индивидуальных средств обороны и нападения восполняет стройной согласованностью массовых действий.

Однако родиной новой пехоты была не какая-либо пере-

довая по экономическому развитию страна, а Швейцария XIV века, в горах которой дольше всего сохранился патриархально-родовой строй. Швейцарское народное ополчение боролось не за государственную централизацию против феодальной раздробленности, а за старинную независимость, против включения в состав соседних феодальных союзов: здесь низшая ступень культуры опять торжествовала победу над высшей ступенью, как некогда германцы над римлянами в Тевтобургском лесу (Энгельс). Но столетием раньше блестящие победы швейцарских горцев над австрийцами и бургундцами оказались бы мелкими эпизодами чисто местного значения. Теперь соседние сюзерены извлекают урок из тех поражений, которые рыцарские войска неизменно терпят в Швейцарии.

Богемия была первой страной, где в широком масштабе разразилось столкновение между средневековой военной организацией и народными массами, переросшими средневековые отношения. В гусситских войнах (первая половина XV века) табориты впервые в средневековой истории построили военное дело на мануфактурном разделении труда между различными родами оружия и впервые возвысили его до степени искусства. Гибель этой военной силы, основу которой составляло крестьянство, мелкая городская буржуазия и в особенности пролетаризованные элементы, была не крахом новой стратегии, — напротив, она доказала свое неизмеримое превосходство над средневековой, — а результатом внутреннего разложения гусситской организации.

Сюзерены, которые выдвигались обстоятельствами, как «собиратели» той или иной земли, быстро использовали этот поворот в технике военного дела. Они начали создавать собственную военную силу, которая уже несколько не зависит от желания или нежелания вассалов оказывать военную помощь своему сюзерену. По мере того, как развитие меновых отношений позволяло объединителям централизовать доходы, у них являлась возможность заменить рыцарей, вооружавшихся на свой собственный счет, легко-вооруженной, но численно сильной, старательно обученной, подчиняющейся единому руководству пехотой, а впоследствии и конницей, снаряжаемыми на королевские средства. Уже в половине XIV века легкая английская пехота нанесла при Креси страшное поражение французским рыцарям. Столетием позже король Франции положил начало постоянному войску, призвав на свою службу 15 рот наемников, преимущественно *швейцарцев* и отчасти немцев. Тогда же зародилось и национальное постоянное войско. Это — стрелки, поставлявшиеся от населения, и копейщики, или жандармы, которые несли тогда не полицейскую, а военную службу. Несколько позже и в Германии появились наемные полки рейтеров и ландскнехтов ¹⁾, глав-

¹⁾ Рейтер (Reitr), как и рыцарь (Riter), означает собственно „всадник“. Но рыцарь — это вольный воин-сеньер, между тем как рейтер — наемник.

ный контингент которых составляли пролетаризирующиеся крестьяне. С половины XVI века наступила очередь и для России. Рядом с боярским ополчением, боевое значение которого все более падало, появились наемные иноземные ратники, наконец, целые полки иноземцев. Приглашаются опытные иностранцы для обучения новой технике военного дела. В первой половине XVII века под руководством иностранцев создается уже довольно широкая основа регулярного внутренне дифференцированного войска, в состав которого входят пешие полки (стрельцы), конные рейтарские, смешанные драгунские полки и, наконец, пушкарки, заведующие артиллерией. Социальный состав этого нового войска таков же, как рейтеров и ландскнехтов в Германии. Кроме добровольцев из дворян без усадеб, в эти полки привлекали частью наймом, частью силой, а частью и тем и другим, крестьян, «вольницу» и холопов, а впоследствии, со второй половины XVII века, начали пополнять регулярную армию постоянными принудительными наборами, как во Франции: совершается постепенный переход к крестьянской рекрутчине. Петру оставалось только продолжить эти начинания московской России.

Таким образом, в той последовательности, как в разных странах развивались меновые отношения, совершался и переход от феодальной организации войска к постоянному войску, частью наемному, частью пополнявшемуся рекрутчиной.

Полный переворот в условиях ведения войн уже в XV веке не оставлял места сомнениям. Применение пороха только завершило и закрепило его. Хотя уже табориты дали пример умелого применения артиллерии, но не она, а общая организация войска обуславливала их перевес над феодалами. Даже в конце XV века огнестрельное оружие не спасло бургундских армий от разгрома швейцарцами, которые действовали преимущественно холодным оружием. И вообще огнестрельное оружие начинает играть решающую роль только с XVI века (битва при Павии, 1525 год, считается первой, исход которой определился огнестрельным оружием), когда социальный, а вместе с тем и военный крах рыцарского сословия был уже совершившимся фактом.

Но мало того, что рыцарское ополчение утратило прежнее боевое значение: рыцарская военная организация сделалась бесполезной и даже прямо вредной. Нарушения местного мира, носившие в феодальный период характер внешних военных столкновений, с ростом централизации превратились в акты разбоя; государственная полиция, опирающаяся на гарнизоны постоянного войска, ведет с ними борьбу, как с заурядными преступлениями. Военная автономия сеньерий позволяла рыцарям превратить свои замки в разбойничьи гнезда, из которых они совершали набеги на купеческие караваны

Ландскнехты (или ландкнехты, т.е. копейщики) были прямо воспроизведением швейцарской пехоты.

и вообще на мирное население. Замки и вся средневековая военная организация, выражение и опора местной обособленности, превращались в тормоз дальнейшего развития, по мере того как новые экономические отношения разбивали локальную замкнутость. Опираясь на крепнущие меновые отношения, ведущие к расширяющемуся экономическому объединению, сюзерены наносят удар за ударом феодальной военной организации. Подвассальные феодалы вынуждаются распускать свои дружины, непокорные приводятся к смирению вооруженной силой, их замки разрушаются, попытки возродить средневековые военные нравы рассматриваются уже не как война, а как внутренний бунт. От всего бывшего величия рыцаря сохраняется только шпага, как простую принадлежность костюма, как невинную эмблему изжитых отношений.

Процесс разоружения рыцарства раньше всего завершился в Англии и во Франции. В сравнительно отсталой Германии государственное объединение шло много медленнее. Но и здесь развитие приводило к более централизованным политическим формам. Попытка имперских рыцарей и мелких феодалов задержать этот процесс была с самого начала обречена на неудачу. Их восстание (в конце первой четверти XVI века: Зикинген, Ульрих фон-Гуттен) было подавлено сюзеренами. Только, в соответствии с экономической отсталостью Германии, эти сюзерены были не *национальные* объединители, как в Англии или во Франции, а *провинциальные* централизаторы. Но совершалось ли государственное объединение в национальном или в провинциальном масштабе, оно одинаково означало конец рыцарского ополчения.

Отныне потомок сеньера, если он хочет исполнять известные общественные функции и получать соответствующие доходы, должен идти на государственную службу. За ним признается преимущественное право на командование королевской армией и на все видные должности в государственном управлении¹⁾. Воин, снаряжавшийся за свой счет, постепенно сменяется офицером, которого на службу привлекает королевское жалованье; феодал, наследственный глава своей территории, все более превращается в дворянина, за которого только волей двора могут быть возложены известные общественные функции.

Новое государство, персонально связанное многочисленными нитями с феодальным прошлым, стремилось превратить внешнее подчинение недавних сеньеров в подчинение внутреннее, и по возможности замещало все видные должности потомками феодалов, не останавливаясь перед созданием должностей исключительно для их прокормления. Но родо-

¹⁾ Россия со своим местничеством представляет любопытный пример перенесения феодальной иерархии в новое государство. Но уже к последней четверти XVII века новые отношения разорвали эту традиционную иерархию, неподвижную, как само феодальное общество,—местничество было отменено.

витая знать, в ряду поколений сросшаяся с узкими натурально-хозяйственными отношениями усадьбы, чуждая или даже враждебная меновым отношениям, которые становятся главным базисом нового общества, оказалась не в силах удерживать в своем распоряжении целого ряда функций, преемственно развившихся из функций средневекового феодала. Так, из ее рук ускользала организация финансового управления, заведование промышленными отношениями, судебное дело. За ней очень часто оставались только так называемые «обязанности представительства», которые, давая влиятельное положение и хороший доход, не препятствовали тому, чтобы проводить время в усадьбе: действительная работа выполнялась подчиненными, представителями новых, городских сословий. С другой стороны, у многих дворян отсутствовали всякие побуждения к службе. Все это приводит к тому, что феодал получил возможность большее внимание обратить на усадьбу. Но усадьбой он интересовался уже не так, как в средневековый период, когда он был лицом, выполнявшим общественно-организаторские функции: теперь он прежде всего сельский хозяин, который хочет как можно больше извлечь из усадьбы. Феодал превратился в помещика.

В наиболее чистом виде протекал этот процесс в Германии с конца XV и особенно с XVI века; в Англии он обнаруживается на 2—3 столетия раньше, в России — к концу XV столетия. Для России в особенности характерно соединение в одном лице помещика и чиновника (или офицера); с одной стороны, потомки феодалов превратились в служилое сословие по-преимуществу, а с другой — и служба государю вознаграждалась не только доходами от нее, но и поместьями.

Во Франции процесс централизации начался уже в XIII веке (Людовик IX Святой), но впоследствии он затянулся настолько, что новый политический строй упрочился только во второй половине XV века (Людовик XI). Во Франции раньше всего обнаружилась еще одна сторона в вырождении феодального рыцаря: безумное развитие паразитической роскоши. Оно начинается еще с эпохи крестовых походов XII—XIII века, в которых французские рыцари принимали особенно деятельное участие, и которые познакомили их с сравнительно высокой культурой Востока (арабы) Италии и Византии. Сильный толчок дали ему итальянские походы конца XV и начала XVI века, которые много ближе, чем обмен, познакомили французских феодалов с утонченным использованием богатства. И как раз Франциск I, потративший массу сил, средств и людей на итальянские войны, впервые придал французскому двору тот блеск, окружил себя той расточительной роскошью, которые на целых три века сделали и остались до настоящего времени предметом подражания и мечтаний всех сюзеренов и монархов.

Спускаясь от двора вниз, изысканная роскошь превратилась для потомков феодалов в сословный критерий образованности, просвещенности, европеизма. Двор сделался школой жизни для дворянина. Сначала феодал был обязан являться ко двору, чтобы засвидетельствовать свои лояльные чувства к сюзерену, который еще и сам не верил, что он превратился в монарха и окончательно сломил автономию своих недавних вассалов. Потом приглашение ко двору превратилось в особую честь, которой домогается всякий сеньер. Потомок сурового рыцаря постепенно развивается в придворного, в светского человека, общественное и сословное положение которого определяется не военными доблестями, а «умением жить», т. е. воспроизводить придворные нравы.

Вызванный развитием меновых отношений, переворот в образе жизни феодала в свою очередь все шире и глубже связывает его существование с рынком. Живет ли он в резиденции монарха или в своем поместье, — роскошь и в том, и в другом случае захватывает его. Управляет ли он имением непосредственно, или через приказчика, — он одинаково стремится получить как можно больше продуктов, чтобы продать их на рынке и окупить выручкой от продажи свои возрастающие потребности.

Необходимо отметить, кроме того, что, хотя выше говорилось об особенностях в развитии той или иной страны, это вовсе не значит, что в других странах соответствующие явления отсутствовали: в действительности они или просто выступали с меньшей выпуклостью, или развивались в познейшее время. Так, хотя французский двор сделался образцом для остальных, тенденции к самостоятельному развитию таких отношений около того же времени обнаруживаются повсюду, во всех европейских странах, в том числе и в России. Уже Иван III стремился воссоздать традиции Византии и «европеизировать» свой быт при содействии не только греков, но и выходцев из *Италии*.

Превращение феодала в помещика и в дворянина было в то же время процессом развития феодального организатора в *собственника*.

Сеньер феодальной эпохи не был собственником своей территории. Ему принадлежало территориальное верховенство (*Oberhohit*), сеньериальная власть над зависимым населением. Отношения феодала к крестьянству были отношениями не собственника всех средств труда к работникам, которые только от него и могли бы получить необходимые средства производства: это были отношения лица, которое, сосредоточивая в своих руках коллективные силы своей местности, организует и направляет их таким образом, чтобы феодальное производство вообще стало возможным. Прибавочный продукт, который поступает в его распоряжение, является просто материализацией коллективного труда, получающего общественно-полезное применение. Все существование сеньера

настолько органически связано с феодальным производством, что не может возникнуть вопроса о его праве на получение феодальных доходов ¹⁾).

Развитие меновых отношений приводит к возрастанию потребностей феодала, к увеличению тех требований, которые он предъявляет зависимому населению. Развитие нового государства, отнимающего от феодала, как такового, его прежние общественные функции делает его существование излишним для деревенского производства: если бы помещик совершенно исчез, последнее не испытало бы от этого никаких неудобств, продолжалось бы так же, как при феодале. Теперь притязания феодала начинают опираться не на его деятельность, а на голый юридический титул,—на его *право собственности*. Ограниченные в феодальную эпоху своей связью с функциями сеньера, эти притязания становятся теперь в принципе безграничными, а практически ограничиваются лишь сопротивлением крестьянства, которое все более слабеет, и необходимостью оставлять у крестьян такой минимум средств существования, без которого они не могли бы поддерживать свою жизнь и воспроизводиться.

Право собственности феодала исторически развивается прежде всего как право собственности на ту землю, которою в течение многих столетий фактически пользовались феодал и крестьяне. Средневековая формула: нет земли без сеньера, означавшая, что нет земель, которые не входили бы в сферу территориального верховенства того или иного сеньера, получает новое истолкование: нет земли, которая не была бы *собственностью* того или иного сеньера, т.-е. которою он не мог бы распоряжаться, как ему вздумается. Сеньер может оставить за крестьянином пользование старинным наделом за известные платежи продуктами, отработками или деньгами; но может также, прогнав его, передать его надел другому земледельцу или присоединить к своим собственным запаскам. Крестьянину предоставляется только одно право: отыскивать документы, которые доказывали бы, что его предки были свободными землевладельцами, а не держали землю от феодала: требование, в большинстве случаев неосуществимое, так как в феодальную эпоху отсутствовала потребность в закреплении фактических отношений бумажными документами. К истолкованию феодальных отношений начинают применяться совершенно чуждые им нормы римского права, сложившиеся на основе высоко развитых форм собственности.

¹⁾ Немецкие историки, в особенности Кнапп, очень ясно видят эту особенность феодальных отношений. Напротив, большинство русских историков уже боярина удельной эпохи превращают в полного земельного собственника. Они не замечают, что вотчина предполагает наследственность не права собственности на землю, а, подобно наследственной монархии, наследственность территориального верховенства. Изображая боярина-вотчинника собственником, историки делают излишними свои объяснения, как могли быть закрепощены крестьяне.

Римское право превратилось в идеологическое орудие экспроприации земледельцев.

Но развитие крупной земельной собственности, взятое само по себе, могло бы приводить не к крепостным отношениям, а к различным формам мелкой крестьянской аренды и к крупному капиталистическому земледелию. Феодално зависимый земледелец, если бы он утрачивая землю, не оставался в личной зависимости от помещика, превращался бы не в крепостного крестьянина, а в арендатора, с одной стороны, и пролетария — с другой. Из сеньера (Grundherr, по установившейся немецкой терминологии) тогда развивался бы не Gutsherr (помещик, а земельный собственник (Grundbesitzer) новейшей, капиталистической формации.

Крепостные отношения возникают лишь в том случае, если развитие крупной земельной собственности комбинируется с сохранением личной зависимости крестьянина. Помещик оказывает на фактических возделывателей не только экономическое давление, вытекающее из того, что он противостоит им, как собственник необходимого условия земледельческого производства: он подвергает их и тому принуждению, которое строится на голых, ничем не прикрытых отношениях силы, и которое у Маркса называется внеэкономическим принуждением. В отличие от новейшего земельного собственника, который организует свои отношения к арендатору или наемному рабочему на основе формально свободного договора, помещик юридически является господином крестьян; крестьянский труд на помещика — открыто принудительный труд.

Уже из этого видно, что крепостные отношения имеют смешанный характер. Феодал, оказавшийся в обществе, в котором за его спиной сложились некоторые предпосылки капиталистического хозяйства, приспособляет формы землевладения к этим новым условиям. Но, с другой стороны, от феодальной эпохи он удерживает юридическую зависимость земледельческого населения. Таким образом крепостное хозяйство не есть капиталистическое хозяйство, как утверждают некоторые историки (напр., Кнапп, Лампрехт) оно представляет переход от феодализма к капитализму, оно построено на сочетании форм собственности, предвещающих близость капитализма, с такими формами отношений к земледельцам, которые напоминают об изжитой феодальной системе. Помещик соединяет примитивные методы капиталистической эксплуатации, — поскольку он противостоит земледельцам, просто как земельный собственник, — с методами вырождающейся феодальной эксплуатации, — поскольку он противостоит крестьянам, как их господин.

Различие тех общественно-экономических форм, которые возникали, как продукт разложения феодализма, ближайшим образом определялось именно тем, какую роль играл в земледелии принудительный труд.

В этом отношении Англия представляет очень существенные отличия от важнейших стран континента. Уже в эпоху норманнского завоевания (вторая половина XI века) в Англии было до 80 городов. Некоторые из них были основаны еще римлянами. Вытеснение последних саксами сопровождалось упадком городской жизни. Города XI столетия были укрепленные пункты, с сравнительно небольшим количеством жителей, едва ли превышавшим где-нибудь, за исключением Лондона, 7—8 тысяч; их общий уклад жизни лишь постепенно обособлялся от деревенского. Но в то время, как в других странах обмен сравнительно медленно создавал центры новых экономических отношений, в Англии норманны нашли их отчасти готовыми. Уже в XII веке некоторые старые города сделались средоточиями ярмарочной торговли, возникли новые торговые пункты, завязались постоянные торговые сношения с фландрскими купцами. С XII же и не позже начала XIII века одной из важнейших статей вывоза сделалась шерсть.

Те предварительные условия, в которых нуждается развитой обмен, и которые на континенте складывались с величайшей медленностью: свобода передвижения товаров, защита караванов от грабежей,—осуществились в Англии уже в XI веке. Не даром господами страны стали норманны, для которых обмен был настолько же родной стихией, как море; и не даром их господство явилось результатом завоевания, которое всегда предполагает значительную степень централизации. Быстрое развитие меновых отношений повело к тому, что эта военная централизация не оказалась переходящим эпизодом, как было в других странах, а послужила прочным началом устойчивого политического объединения. Характерно, что с самого начала норманнского периода английские короли подчиняют себе зависимое население непосредственно, а не только через иерархию вассалов и подвассалов. Строй, слабые зачатки которого появились во Франции лишь в XIII веке, в Англии упрочился уже с начала XI столетия. И уже с этого времени все важные события английской жизни развертывались в национальном, а не в провинциальном масштабе, как было до XV столетия даже во Франции, где, напр., войны герцога Бургундии мало затрагивали остальные области.

Еще до норманнского завоевания началась, в связи с развивающимся обменом, замена натуральных повинностей зависимого населения постоянными денежными платежами. За совокупность тех земель, которыми пользовался земледелец,—за свой надел в пахатном поле и за известную долю в общинных угодьях,—он уплачивал сеньеру раз навсегда определенную сумму денег. Платежи вообще оставались настолько низкими, что, повидимому, их реальное значение нередко перевешивалось символическим, заключавшимся в признании сеньериального верховенства. Благодаря скорости развития,

в денежных платежах здесь были как бы зафиксированы мягкие феодальные отношения. Так сложилась та категория земледельцев, которая получила название «флигольдеров», «свободных держателей земли», — свободных от личной зависимости. В конце XI века этот слой расширился, так как в него вошли подвассалы — мелкие рыцари, пришедшие с Вильгельмом Завоевателем, — а в последующие столетия сюда присоединялись те крестьяне, которым удавалось заменить свои повинности урегулированными денежными платежами. Следовательно, уже к XII веку в Англии зародилось в общих очертаниях свободное самостоятельное крестьянство, которое в других странах сложилось лишь по уничтожении крепостного права.

Политическая централизация ускоренная норманнским завоеванием, сопровождалась всеми обычными при ней явлениями. Сеньер привлекается ко двору, втягивается в городской оборот, получает вкус к роскоши. Но здесь, благодаря значительной скорости развития меновых отношений, с наибольшей силой выступило у него не побуждение повышать повинности зависимого населения, а стремление получать доходы непосредственно в деньгах, которые можно было бы превратить в привозимые с континента предметы роскоши. Норманнское завоевание сопровождалось обезземелением части туземных крестьян и по меньшей мере сокращением площади их землепользования. Таким образом в английской деревне появился полупролетаризованный слой, представители которого обрабатывали господскую землю по вольному найму. По всем этим причинам с половины XII века началась быстрая замена барщинных работ денежными платежами. Зависимые крестьяне постепенно превращались в «копигольдеров», держателей земли по договору. Личная несвобода копигольдеров выражалась в том, что без разрешения сеньера они не могли вступить в брак, покинуть деревню и проч. Однако они не утратили феодального права на отход: единственное ограничение этого права заключалось в том, что уходящий должен был найти заместителя, который взял бы на себя все его обязательства перед сеньером.

Следовательно, прикрепление крестьян к земле или сеньеру не пошло дальше зачаточных ступеней. «Копигольдеры» — не крепостные в собственном, континентальном значении этого слова, а скорее переходная ступень к свободным арендаторам капиталистической эпохи. И чем шире и глубже распространялись меновые отношения, тем более копигольдеры приближались по своему положению к арендаторам.

«Черная смерть» (чума), впервые посетившая Англию в 1348—9 годах и потом повторившаяся в сравнительно слабой форме в 1361 и 1369 годах, ускорила освобождение крестьянства от личной зависимости. Смертность от чумы была страшная: по самым осторожным расчетам она унесла до $\frac{1}{3}$ всего населения. И наибольшую жатву косила она, как

все эпидемии, среди менее зажиточного населения: ремесленников, батраков и крестьянства. Чтобы не пустовали те обширные пространства земли, которые освобождались за смертью старинных возделывателей, сеньеры шли на всяческие уступки. Черная смерть не только не задержала процесса перехода к денежным платежам, но послужила для него мощным толчком и в то же время повела к тому, что общий их уровень сильно понизился. Черная смерть разорила многих сеньеров и, напротив, повысила способность зависимого крестьянства к сопротивлению.

Когда улеглась первая паника и замешательство, господа сделали решительную попытку отобрать назад то, что крестьяне купили ценой смерти значительной части своего сословия. Не ограничиваясь быстрым повышением денежных платежей, господа стремились превратить крестьян, фактически сделавшихся почти свободными наследственными арендаторами, в своих крепостных: они хотели восстановить старую барщину, повысить ее размеры, возложить ее даже на такие группы населения, которые окончательно ликвидировали свои отношения к сеньеру.

Но было слишком поздно. Дальнейшее развитие тех самых меновых отношений, которые вели к постепенному освобождению крестьянства, создало среди общества, феодального по своим внешним формам, новые экономические группы, которые сумели сплотить крестьянство и организовать его сопротивление в национальном масштабе.

Уже в XIII веке в Англии начался переход от вывоза шерсти в Нидерланды к организации собственного производства сукна. В XIV веке явственно наметилась разграничительная линия между суконщиками-торговцами и мастерами, которые развивались в капиталистических предпринимателей, с одной стороны, и между непосредственными производителями, которые все более превращались в пролетариев, — с другой. Последние сделались носителями примитивных коммунистических воззрений. Выходя из центров суконной промышленности, странствующие агитаторы — «бедные братья», «бедные священники», «лолларды» — проникают во все части Англии, связывают местные движения крестьянства в одно общее восстание, дают ему идейное и организационное единство. Зарождающийся промышленный пролетариат XIV века, став во главе по-крестьянски разрозненных актов сопротивления, содействовал превращению их в «крестьянскую войну» 1381 года; по имени главного предводителя она называется «восстанием Уота Тайлера».

Фальшивыми обещаниями, мнимой уступчивостью и отдельными, сепаратными договорами с крестьянской частью восставших господствующим удалось усыпить их, а потом вероломство помогло покончить с оставшейся частью повстанцев. Грозное восстание было разбито. Но лолларды не были окончательно уничтожены, сопротивление крестьян воз-

врату к старым барщинам на местах продолжалось, оправдываемый обстоятельствами страх повторения недавних событий тоже оказывал свое действие. Процесс замены феодальных повинностей денежными платежами не остановился, и уже в XV веке достиг завершения. Различие между копигольдерами и фригольдерами (йоменами) все более ступшеывалось таким образом, что положение копигольдера приближалось к положению свободного крестьянина.

Следовательно, собственно крепостные отношения не пошли в Англии дальше простой попытки сеньеров установить таковые. В XV веке, в связи с развитием шерстяной промышленности, перед сеньерами открылись здесь такие способы использования земельной собственности, при которых личная зависимость земледельца совершенно излишня.

3. Развитие крепостных отношений. — Крестьянские войны (Франция, Германия и Россия).

Во *Франции* быстрое развитие меновых отношений началось после крестовых походов, в особенности с XIII столетия. К тому же времени относится замена некоторых натуральных повинностей, главным образом оброков, урегулированными денежными платежами. На деньги же расцениваются и некоторые формы личной зависимости: разрешение вступить в брак, передавать хозяйство наследникам и проч. Но здесь переход к денежным платежам уже с XIV века служит в первую очередь для введения новых поборов и усиления старых.

Чума половины XIV века была использована сеньерами для того, чтобы захватить освободившиеся участки под собственное хозяйство. Благодаря сохранению старой зависимости, крестьянство, разрезанное эпидемией, было вынуждено обрабатывать их для помещика. Тягость барщины увеличилась.

В 1356 году начались крестьянские бунты, так называемые «жакерии» (от «Jacques Bonhomme», «Жак» или «Яшка-простачок», насмешливая кличка французских крестьян). Разыгрались обычные явления крестьянских восстаний: грозная энергия выступлений, уничтожение замков, беспощадные расправы с сеньерами — и связь простой одновременности, а не стройной организованности местных движений. Парижская буржуазия, которая решительно выступила против бездарного, бестолкового и бесконтрольного государственного хозяйничанья феодалов, попыталась использовать восстание «жаков». В это же самое время французским рыцарям приходилось вести отчаянную борьбу с английскими ополчениями (то были первые десятилетия так называемой «Столетней войны»), опустошавшими те самые области, в которых поднялись крестьяне.

Перед мощно прорвавшимися классовыми противоречиями крестьян и сеньеров ступевались и отступили на задний план так называемые национальные противоречия французов и англичан. Рыцари Франции и Англии объединились против общей опасности и в реках крови потопили жакерию.

В дальнейшем, особенно с XVI века, экономические отношения во французской деревне развиваются в общих чертах так же, как в остальных важнейших странах континента: сокращение площади земли, состоящей в пользовании крестьян, быстрое возрастание помещичьих и государственных поборов, хроническое недоедание, частые неурожайи, каждый раз сопровождающиеся острыми голодовками, иногда взрывы отчаяния, — жакерии более или менее местного характера (1548, 1593—95, 1636—37, 1675 годы); они не могли сломить господства дворянского сословия, обладавшего государством, т. е. готовый организацией в национальном масштабе. Только дальнейшее развитие обмена, по-прежнему исходившее из городов, привело к созданию новых общественных сил, которые вместе с крестьянством нанесли решительный удар старому государству и тем содействовали победоносному исходу жакерий конца XVIII века.

В *Германии* (и в области позднейшей Австро-Венгрии), в особенности в ее южных частях, до конца XII века господствовали сравнительно мягкие феодальные отношения. Во многих местах совершается переход к строго урегулированным оброкам, которые со временем заменяются умеренными денежными платежами. Крестьяне постепенно превращались в мелких наследственных арендаторов. Развитие городов с их ремеслом и торговлей создавало рынок для сбыта продуктов земледелия. После крестовых походов стоимость благородных металлов, повидимому, понизилась, техника земледелия, напротив, повысилась. Положение наследственных арендаторов, платежи которых были нормированы еще при старых технических и рыночных условиях, все улучшалось. Рыцари ничего не могли сделать против этого. От увеличения повинностей крестьяне до конца XIII века находили спасение в городах. С другой стороны, они уходили на север и восток; тот процесс колонизации, о котором говорилось в отделе о феодальной системе, приходит к концу только на исходе XIV столетия¹⁾. Имело значение и то обстоятельство,

¹⁾ Ахилл Лориа и один из его последователей, Г. Г. Нибур („Рабство, как система хозяйства“), выводят историческую необходимость прикрепления крестьян из большого количества вольных земель, на которые могли бы уходить земледельцы, если бы они не были прикреплены к земле или превращены в рабов). После того как земельный простор сокращается, землевладельцу и без внешнего принуждения приходится работать на земельного собственника, крепостная зависимость (как в рабство) падает. Основная ошибка этой упрощенной исторической концепции, которая, как видно из предыдущего, противоречит действительной истории, заключается в том, что деревенские отношения рассматриваются здесь обособленно от всей совокупности экономических отношений.

что сеньер, оставаясь рыцарем, должен был оставлять ведение хозяйства на членах своей семьи, главным образом на женщинах, которым приходилось проявлять большую уступчивость.

Но уже с конца XIV века сеньер начинает превращаться в помещика,—и сначала в Богемии, потом в южной Германии, наконец, в Пруссии феодальные отношения быстро переходят в собственно крепостные.

Мощный толчок их развитию дало открытие Америки, сопровождавшееся быстрым понижением стоимости благородных металлов, которое выразилось в резком повышении цены всех товаров,—в полной революции цен. Помещик, который в удовлетворении своих растущих потребностей был связан урегулированными крестьянскими платежами, ощутил приближение той специфически сословной нужды, которую можно назвать, «дворянским обнищанием». Выход из этого положения дворянство нашло в решительном ниспровержении существующего порядка вещей, в полной революции всех традиционных отношений.

Помещик начал хозяйничать в деревне, как полный собственник. Раньше господские запашки были сравнительно невелики, иногда совершенно отсутствовали. Теперь они все более расширяются за счет крестьянских запашек. Средневековые отношения крестьян к помещику истолковываются в том смысле, что им принадлежало лишь право пользования землей на условиях, какие им продиктует помещик. Помещик начинает диктовать условия заново: у одних крестьян он отнимает право пользоваться угодьями, которые в продолжении многих веков находились в общем пользовании крестьян и сеньера; другим дает произвольно определяемый и обычно ничтожный выкуп за их права пользования; третьих прогоняет без всякого выкупа, сносит их постройки и включает их землю в свое собственное хозяйство. И всегда сопровождается с такой беспощадной жестокостью, что процесс сноса крестьянских дворов и, вообще, обезземеления крестьянства получил грубое название *Bauernlegen*: словом *legen* обозначается известная операция, иногда производимая над лошадьми (выхолащивание). Значит, отношения помещика к крестьянину были так жестоки и грубы, что сознание современников находило некоторую аналогию лишь в отношении человека к лошади, но не человека к человеку.

Процесс насильственного сокращения фактического землевладения крестьянства растянулся почти на три столетия и в различных частях принимал различные конкретные формы. Его по временам ускоряли особые обстоятельства,—напр., эпидемия и такие войны, как Тридцатилетняя война (вторая половина XVII века) и Семилетняя (половина XVIII века); в противоположность средневековому феодалу, который не хотел, чтобы земля пустовала, и всевозможными льготами привлекал новых припелыцев на освободившиеся участки, помещик нового времени спешил присоединять крестьянские

земли к собственному хозяйству. Во второй четверти XVI века беспощадное обезземеление было карой торжествующих победителей разбитым крестьянам.—как столетием раньше, после гусситских войн в Богемии. Во второй половине XVIII века помещик мотивировал округление и расширение своих владений необходимостью повысить земледельческую культуру, перейти от средневекового экстенсивного трехполья с пастбищным скотоводством к усовершенствованному трехполью и четырехполью с травосеянием, стойловым скотоводством и упорядоченным лесоразведением. В XVI веке он опирался на свои права собственности, к концу XVIII века—на идеи агронома Таэра, который впервые на континенте поставил земледелие на научную почву.

Но каковы бы ни были конкретные формы этого процесса, какие бы поводы и предлоги ни служили ему внешней опорой, и какими бы соображениями он ни оправдывался, результат был один: помещики, выступая как единственные земельные собственники, и фактически превращаются в крупных землевладельцев. Их расширяющееся хозяйство резко отмежевывается от крестьянского. Крестьянское хозяйство хилеет. Общинные земли частью захватываются помещиками, частью поступают в окончательный раздел между крестьянами и то всем этим причинам все более сокращаются: крестьянское скотоводство падает, постройки ухудшаются, топливо становится скудным. Череполосица не уничтожается,—она закрепляется окончательными разделами. Полосы, разбросанные по разным конам, с течением времени еще больше раздробляются между сонаследниками. Так как крестьянство должно отдавать государству и помещикам все большую часть своей рабочей силы, то переход к высшим формам культуры, требующим большей затраты труда на собственное хозяйство, становится невозможным. Традиционное трехполье воспроизводится из поколений в поколение, в то время как и рост населения, и складывающиеся новые отношения фактического землевладения требуют перехода к более интенсивным формам культуры. Экономически сильные элементы деревни в свою очередь вынуждены подчиняться принудительному севообороту, так как общий выпас по пару и проч. является одним из устоев трехполья.

В зависимости от размеров той площади, которую помещик оставляет в пользовании крестьян, уже в крепостной деревне намечается резкая дифференциация. Выделяется ничтожное количество сильных семей, под ними—широкая масса рядового крестьянства, а еще ниже—полубатраки-полукрестьяне, располагающие настолько ничтожными наделами, что они могут только возделывать некоторые овощи, держать корову, пару свиней, несколько штук домашней птицы. Это—те крестьяне, которые носят название инстов, буднеров, гертнеров, т.-е. бобылей, домовников, огородников и т. д. У них сохраняется лишь призрак самостоятельного хозяй-

ства; они представляют в действительности переходную ступень к сельскохозяйственным пролетариям ¹⁾). Старая марка—община, мир—все более разлагается, сменяясь простой совокупностью мелких частных землевладельцев-соседей, чисто внешне, иногда принудительно связанных в коллектив, выполняющий исключительно административные функции.

Таким образом, феодал, превращаясь в земельного собственника и экспроприируя земли, находившиеся в фактическом владении крестьянства, уже в крепостную эпоху приводит к созданию тех отношений, которыми характеризуется наша пореформенная деревня: застойная техника; формы землепользования, даже для отдельных хозяев исключаящие разрыв с застойностью; парцелляция, стоящая в вопиющем противоречии с экстенсивной культурой и являющаяся впоследствии тормозом всякой рациональной культуры; возрастающая разбросанность отдельных полос, оказывающая такое же действие. Следовательно, возникновение крупной земельной собственности исторически было одновременно и процессом развития того мелкого крестьянского землевладения, которое сделалось образцом беспощадного расточения сил природы и рабочих сил человека.

Но если бы при этом в Германии XV и следующих веков дело сводилось только к развитию новых *поземельных* отношений, то весь процесс лишь количественно, а не качественно отличался бы от того, который развернулся в Англии с XIV века. Основная же особенность Германии, как и вообще важнейших стран континента, заключается в том, что сеньер, превращаясь в крупного земельного собственника, в то же время требовал от крестьян *принудительного* труда. Расширяя свое хозяйство за счет крестьянских хозяйств, прогоняя всех излишних для него «едоков» из деревни, он требовал, чтобы сильно разреженное население выполняло растущее количество работ, отдавало все большую долю трудовой энергии. Барщины увеличивались и абсолютно—по общему количеству часов труда, которое зависимое население должно было отбывать для помещика,—и относительно—по сравнению с тем количеством труда, которое остается в распоряжении крестьян для собственного хозяйства.

Крестьяне, которых прогоняет помещик, должны уйти; те же, которых он не прогоняет, *обязаны оставаться*, чтобы выполнять все, чего от них потребует господин: они *прикрепляются*, —отсюда и выражение «прикрепление крестьян», «крепостное право» и т. д. В этом прикреплении обыкновенно подчеркивается один момент: прикрепление *к земле*, к одной ограниченной местности, чаще всего к деревне, ко-

¹⁾ Многочисленностью этих полупролетарских категорий крестьянства следует, повидимому, объяснить то обстоятельство, что разряд дворовых крестьян не разросся в Германии до таких размеров как в некоторых областях России,—в особенности накануне крестьянской реформы.

торой крестьянин не может покинуть без разрешения помещика. Но нетрудно видеть, что это «прикрепление к земле», это мнимое отношение крестьянина к неодушевленному предмету в действительности есть лишь внешняя форма определенного общественного отношения: отношения между помещиком и крестьянином, обеспечения помещику принудительного труда. То, что называется прикреплением к земле, есть лишь особый способ прикрепления к помещику¹⁾. В этом и лежит первичное отличие помещика от позднейшего крупного земельного собственника, ведущего собственное хозяйство и на свободном рынке нанимающего рабочие силы пролетариев или пролетаризующихся крестьян. Все остальные отличия носят вторичный, производный характер.

В Германии XV—XVI века, как в Италии XII—XIII, в Англии и Франции XIII—XIV, в Богемии XIV—V столетия, устранение феодалов от общественно-необходимых функций, вытекавшее из развития новых экономических отношений, было общим процессом, распространявшимся и на светскую, и на духовную часть феодального сословия. По мере того, как феодальная раздробленность уступает место соединению в национальные государства, каждое из них создает самостоятельную централизованную организацию управления и суда. Новое сословие, буржуазия, которая стоит в центре меновых отношений, становится носителем новой техники искусства, науки. Монастыри, которые в феодальную эпоху были школами архитекторов, художников, врачей, законовovedов, ученых и т. д., делаются просто центрами квалифицированного потребления, как усадьбы светских сеньеров, и ничем больше. Благотворительная деятельность сокращается, пока она не превращается в простой предлог для усиливающихся поборов, в чисто внешнее прикрытие appetитов, разрастающихся с развитием менового хозяйства. Рим остался центром церковной организации; но, как центр экономически вырождающейся организации, он только берет с отдельных стран, изощряет искусство увеличивать поборы, но ничего не дает им обратно. Центр, из которого в начале средних веков исходили мощные импульсы общественно-экономического развития, становится общественно-ненужным и вредным центром паразитической эксплуатации.

Так как светские и духовные феодалы одинаково превращались в помещиков, то борьба крестьянства была одинаково направлена против тех и других. Так как церковь была высшим авторитетом, освящавшим все общественные отношения, борьба против этих отношений неизбежно была идеологически борьбой против существующей церкви и принимала фор-

¹⁾ Что это так, видно из того, что помещик повсюду мог и переводить крестьян из поместья в поместье, и превращать—в особенности в России—в безземельных дворовых, и просто прогонять из своей вотчины, не особенно стесняясь бумажными ограничениями своих владельческих прав.

му ересей. Так было прежде всего в Италии начала XIV века, в том крестьянском восстании, которое, по имени главного вождя, получило название восстания Дольчино.

Так как экономическое вырождение феодального сословия шло параллельно с развитием нового государства, то крестьянские восстания обыкновенно совпадали по времени с борьбой главных социальных сил этого государства против римского духовенства и его местных агентов. Субъективно, для сознания суверенов и буржуазии, основной общественной опоры этой борьбы, она была борьбой за истинное христианство против искаженного христианства, за истинную церковь против папской церкви, за просвещение против невежества, за нравственность против безнравственности, за права труда против тунеядчества. Объективно, т.-е. по тем результатам, к которым приводила борьба, когда она увенчивалась успехом, она была борьбой за права национальных эксплуататоров против эксплуататоров интернациональных, за превращение первых в единственных собственников всей прибавочной стоимости, извлекаемой из населения национально объединяющихся территорий. Лозунгом этой борьбы становится «Испания для испанцев» — в Испании, «Франция для французов» — во Франции, «Англия для англичан» — в Англии. Национализм раскрыл свое действительное содержание уже при своем первом выступлении, на границе между средневековым и новым общественным строем.

Только у господствующих классов Италии не было побуждений выступить с таким лозунгом. Господство папы над западным христианством было и их экономическим господством. С другой стороны, восстание Дольчино ясно показало, что для низов населения критика церкви неразрывно связана с критикой всего социального строя. Радикальные реформаторские стремления быстро вымерли среди господствующих классов Италии. Реформаторы уже не помышляют о том, чтобы нанести удар владычеству духовенства, — они желают только, чтобы это владычество осуществлялось просвещенными папами. Церковное реформаторство там отесняется гуманизмом, который остался в Италии чисто идеологическим течением. Многие папы оказывали гуманистам всяческое покровительство, многие гуманисты фактически превратились в папских чиновников и придворных.

Франция с ее относительно высоким экономическим развитием и ранней централизацией уже с Людовика IX («Святого», 1269 год) постепенно достигла того, что французское духовенство подчинялось больше королю, чем папе, и что Рим совершал свои сборы во Франции лишь с разрешения королей. Точно так же Испания, окрепшая в борьбе с маврами и многое унаследовавшая из их экономической культуры, постепенно, но неуклонно шла тогда к национальному высвобождению из-под владычества пап. Духовенство Франции и Испании, организационно обособляясь от Рима, пре-

вращалось в одно из орудий национального господства сюзеренов-централизаторов. Поэтому всякое движение, направленное против сеньеров, духовных и светских, с самого начала становится здесь гонимой ересью, сектой, отколом от фактически сложившейся национальной, государственной церкви.

Германия по своей экономической отсталости и раздробленности все более превращалась в объект для откровенных до цинизма коммерческих операций папы, для самой беззастенчивой фискальной изобретательности римского духовенства. У такой иллюзорной центральной власти Германии, как император, не было ни сил, ни побуждений противодействовать Риму. Англия тоже оставалась объектом его эксплуатации.

По всем этим причинам оппозиция против Рима объединила на первых порах самые разнообразные классы Англии и Германии (и Богемии). Вождем ее—Виклефу в Англии XIV века, Гуссу в Богемии XV века, Лютеру в Германии XVI века—казалось, что в низвержении папского владычества равно и одинаково заинтересованы все классы общества. Светские сеньеры поддерживали проповедников истинного христианства, так как на первых порах для них обрисовывался только один практический вывод: интересы нации следует противопоставить интернациональной эксплуататорской организации,—духовенство следует возратить к евангельской нищете,—светские сеньеры должны экспроприировать богатства духовных сеньеров. Это—первый период реформаторских движений: период полной, почти безграничной свободы проповеди реформаторов, период смелого привлечения широких масс народа к обсуждению религиозных вопросов, период решительных, глубоко революционных лозунгов.

Но спустившись вниз, эти лозунги начинают жить новой жизнью. Их подхватывают прежде всего элементы, порожденные разлагающимися феодализмом и ремеслом. Они уже не крестьяне, но еще не утратили связи с крестьянством. Они еще не пролетарии, но уже не находят и не найдут места ни среди самостоятельных земледельцев, ни среди самостоятельных ремесленников. Они—деклассированные (*Vorproletariat*, «предпролетариат», по выражению Энгельса), т.-е. они уже оторвались от классов экономического прошлого, но еще не оформились, а частью и совсем не оформятся в класс будущего: этим слоям еще предстоит окончательно определиться или как собственно пролетариату, или как пролетариату босняков. Представляя зародышевую форму пролетариата, они из новых религиозных идей быстро делают коммунистические выводы. Не успев порвать материальных и внутренних связей с деревней, они, обращаясь к крестьянству, дают этим выводам крестьянское истолкование и вносят идейное и организационное единство в борьбу против духовных и светских помещиков. Это—рабочие горной промышленности, подма-

стерья капиталистически перерождающегося суконного цеха, лишаящиеся места и заработка дружинники, частью даже мелкое сельское духовенство и т. д. Это—бегарды, долларды, наиболее решительные элементы в войсках Дольчино, Уота Тайлера, Жишки и Томаса Мюнцера.

Пока светские сеньеры и буржуазия видели в этой плебейской оппозиции против Рима только поддержку собственных своих выступлений, они поощряли ее и по меньшей мере не ставили ей серьезных помех. Верхушки феодального сословия тогда резко раскалывались на две враждебные части: светскую и духовную. Напротив, когда обнаружилось, что борьба против Рима разворачивается внизу в борьбу за собственные интересы народных масс, что церковная реформация для этих масс только один из моментов их классовой борьбы за социальную революцию,—тогда в Англии и Богемии реформаторское рвение господствующих классов слабеет, они спешат примириться с Римом и его духовенством. После восстания Тайлера популярность Виклефа падает, и он оканчивает жизнь забытый, в опале. Реформация отсрочивается на полтора века. В Богемии еще раньше, чем из-за церковной реформы показала радикальная социальная революция, борьба против Рима приняла характер национальной борьбы чехов против немецких сеньеров и буржуазии. Гусс погиб на костре еще раньше, чем национальное движение, связанное с его именем, успело дифференцироваться.

Сюзерены северной Германии,—как и Швеции,—экономически наиболее отсталой и потому наиболее незащитной перед римской эксплуатацией, быстро и при неизменном содействии Лютера дали княжеское истолкование новых религиозных идей: тех самых идей, которые у Виклефа и Гусса оставались еще общими антиримскими идеями, не получившими специфически классовой окраски. Отложение от Рима было для северной Германии созданием если не национальных, то территориальных церквей, превратившихся для сюзеренов в одно из орудий их господства, в один из элементов подчиненного им бюрократического аппарата; в этом смысле реформация там была одним из моментов политической централизации и превращения феодальных сюзеренов в новейших монархов. Уничтожение римской духовной иерархии и монастырей было в то же время превращением их имуществ в полную собственность территориальных князей и их феодальных союзников; в этом смысле реформация там была одним из этапов в развитии крупной земельной собственности, в превращении феодала в помещика.

Для сеньеров церковная реформа на этом заканчивалась; дальше выдвигались только оборонительные задачи. Напротив, для полупролетаризованных элементов и крестьянства реформа еще не начиналась,—для них самым ощутительным ее результатом было бы только уничтожение последних остатков церковной и монастырской благотворительности. Мас-

сы подхватили лозунги Лютера, но, не останавливаясь на полдороге, как он, последовательно сделали из них решительные примитивно-коммунистические и крестьянские выводы и превратили их в лозунги крестьянской войны (1525 г.).

Программа, которая формулировалась в ходе восстания, состояла из столь же разнородных элементов, как общественные слои, участвовавшие в движении. Смотри по тому, кто приобретал перевес в определенное время или в определенном месте, в программе более подчеркивались то требование крестьянства, которое еще не забыло свободного землепользования феодальной эпохи, но уже страдало от жестокой помещичьей эксплуатации; то к ним присоединялись не противоречащие им пожелания буржуазии, которая, добываясь в первую очередь объединения Германии: централизованной политической власти, единства монеты, меры и веса, уничтожения внутренних пошлин, сталкивалась на пути к осуществлению этих требований с тем же экономически-мертвым феодальным сословием, которое было главным врагом и крестьян; то выдвигались примитивно-коммунистические, радикально-нивелляторские стремления пролетаризованных элементов, которые хотели искоренить все отношения господства и поставить на их место отношения христианского братства. Чем больше утрачивалась надежда примирить непримиримые классовые противоречия в каком-нибудь компромиссе, чем суровее, шире и глубже разворачивалась борьба, тем более отходили от нее элементы, по своему классовому положению склонные к компромиссу, тем значительнее становилось влияние пролетаризованных элементов. И чем сильнее обнаруживалось их влияние, тем становилось яснее, что успешный исход восстания, независимо от воли участников, в данной историко-экономической обстановке был бы равносителен *радикальному устранению помех для капиталистического развития*, начавшегося в городах.

Ход и исход крестьянской войны был таков же, как за полтора века в Англии. Территориальная и провинциальная организованность сеньеров и классовая их солидарность, идущая дальше провинциальных и даже национальных границ, одержала победу над локальной ограниченностью крестьян. Крестьяне охотно шли на отдельные договоры со своими сеньерами; добившись для себя мнимых уступок, они торопились возвратиться с грамотами домой, не заботясь о судьбе остальной армии; только в исключительных случаях, да и тут по большей части слишком поздно, они начинали схватывать связь между судьбами своей деревни и общим исходом крестьянской войны. Восстание Германии было подавлено так же, как в Италии, Франции, Англии и Богемии. Крестьяне, временно оставившие деревню и объединенные в общей борьбе, нанесли страшные удары старым рыцарским ополчениям, но были раздавлены новыми ополчениями суверенов, за полтора года до того времени разгромившими восстание мелких

рыцарей. Они были снова отброшены к замкнутому деревенскому существованию. Их протест против крепостного режима, принимающего все более беспощадные формы, выражался в дальнейшем преимущественно в актах мести отдельным помещикам или их управляющим, да изредка в мятежах более или менее местного характера, стихийных по своей энергии, но вместе с тем идейно и организационно не оформленных, как все стихийные вспышки ¹⁾).

В России крепостные отношения развивались под влиянием тех же причин, как и на Западе. Популярная одно время теория связывала прикрепление крестьян к земле с военными потребностями государства. Она исходила из того, что для отбывания воинской службы дворянин должен был располагать доходами определенной величины; а для обеспечения этих доходов необходимо было принудительно закрепить за помещьем известное количество рабочей силы, т.-е. крестьян. Помещичьи права, с этой точки зрения, возникали как вознаграждение за прошлую службу и как необходимое условие несения военной службы в будущем.

Такое вне-экономическое объяснение возникновения крепостного права в настоящее время в общем оставлено. Теперь историки несравненно охотнее обращаются к ростовщичеству, как основному источнику крепостнических отношений. По очень распространенным воззрениям, монастыри и бояре, чтобы обеспечить себя рабочей силой, во второй половине XVI века закабаляют крестьян посредством ростовщических ссуд, а потом, чтобы добиться возврата этих ссуд, удлиняют сроки, в пределах которых разрешается отыскивать бежавших крестьян-должников. Уже для удельного периода боярин изображается, как полный собственник земли. Оброки уже для того же периода рассматриваются, как современная арендная плата. Барщина в ее первоначальных формах выводится из помещичьих ссуд.

Идя таким путем, в сущности, с самого начала предполагают наличность тех отношений, которые требуют объяснения. Если крестьянство в своей подавляющей массе вынуждено было обращаться к монастырям и боярам за ссудами живым и мертвым инвентарем или деньгами на приобретение скота и орудий, это само по себе свидетельствует, что эксплуатация *уже* приобрела суровый характер, что сеньер уже раньше превратился в помещика, что развитие меновых отношений зашло уже очень далеко. Ростовщические ссуды—симптом,

¹⁾ В эти именно времена в крестьянском сознании далекий император, который ведет за свою власть какую-то борьбу с ближайшими угнетателями крестьян, вырастает в мифическую фигуру, в скорбного, бессильного печальника о крестьянах, плененного помещиками и чиновниками. Таким образом эпоха закрепощения крестьян, совпадающая с эпохой борьбы суверенов против феодальной автономии вассальных сеньеров, была тем временем, когда в деревне впервые зародились идеи так называемого царизма.

а не причина усиливающейся эксплуатации; для сеньера это—орудие, а не побудительный мотив закрепощения крестьянства.

Развитие меновых отношений было тем основным экономическим фактом, который побуждал сеньеров к усилению эксплуатации зависимого крестьянства и к изменению ее форм. Растущая иностранная торговля сделала возможным то квалифицированное потребление, — потребление предметов роскоши, — которое заставляло феодала помышлять об увеличении денежных доходов. Возникновение примитивных городов, заселенных ремесленниками, открывало возможность расширяющегося сбыта земледельческих продуктов. Одновременно с зарождением повышающихся потребностей у феодалов являлись и средства для их удовлетворения. И эти средства давала с одной стороны интенсификация земледелия: переход от подсечной и переложной системы к трехполью, — а с другой стороны—усиленная эксплуатация рабочей силы крестьян и такие перемены в их юридическом положении, которые должны были отнять у них возможность уходить от растущего гнета.

Создание централизованного государства, явно ускорившееся с эпохи Ивана III и сделавшее крупный шаг вперед при Иване IV, устранение феодалов от всех общественно-необходимых функций, в России, как и на Западе, сопровождалось ускоренным превращением сеньера в помещика и феодалальной—в крепостническую эксплуатацию. И, как на Западе, так и в России ответом на это были крестьянские войны.

Впрочем, в восстании Степана Разина (последняя треть XVII века) наиболее заметную роль играли казаки, которые, представляя хозяйственно крепких самостоятельных крестьян, в то же время были продолжителями «торговли», занимающей промежуточное положение между собственно обменом и разбоем. Это восстание не успело захватить областей, где крепостническая эксплуатация приняла особенно суровые формы. К нему присоединялись преимущественно беглые крепостные. Это восстание не выдвинуло какого-либо нового принципа: в нем сильно сказывалось стремление, перебив эксплуататоров, просто сесть на их место.

Напротив, в пугачевском восстании выдвинулся элемент, более близкий к позднему промышленному пролетариату. Это были частью рабочие уральских горных заводов, частью полукрестьяне-полурабочие, прикрепленные к этим заводам. Из 150 тысяч крепостных, по приблизительным оценкам принимавших участие в пугачевском восстании, до 50 тысяч составляли крестьяне, приписанные к этим заводам. Идеи царизма здесь были перевернуты и использованы для борьбы с существующим строем. Несомненно, участие «предпролетариата» придало этой борьбе радикальный характер, выразившийся в некоторых сектантских примитивно-коммунистических течениях «пугачевщины».

Крестьянские войны окончились в России так же, как на Западе. Покончив с выступлением крестьянства, как сословия, помещики, опирающиеся на организованную силу государства, могли уже не опасаться сопротивления обособленных, по-крестьянски разбродившихся деревенских миров.

4. Помещичье хозяйство. — Крестьянские повинности.

Возникновение крепостных отношений повсюду сопровождалось расширением собственного производительного хозяйства помещика, т. е. прежде всего увеличением его запашек, а потому и увеличением барщины, абсолютным и относительным¹⁾. Таким образом возникновение крепостного хозяйства есть в то же время процесс расширения, а для некоторых стран — и создания крупного земледельческого производства. Крупная земельная собственность и крупное частное помещичье производство исторически складывались одновременно. И одновременно же с развитием частной земельной собственности развертывались ее разрушительные действия.

Переход от феодальных отношений к крепостническим не был следствием развития земледельческой техники. Она в общем оставалась застойной во Франции и Германии до второй половины XVIII века, в России — до еще более позднего времени. Заметный прогресс совершался только в подсобных крестьянских промыслах и в особенности в транспортном деле. Но барщинный труд не был тем рабочим временем, которое, благодаря этому, высвобождалось у крестьянина, или, точнее, он представлял не одно это время, а несравненно большую величину. Крепостные отношения возникли таким образом, что феодалы, сплоченные благодаря меновым отношениям в организованную, компактную силу, располагающие мощными ресурсами нового государства, подчинили себе крестьянство, разбродившееся средневековыми земледельческими отношениями, и сломали его организованное сопротивление. Расширение барщины было просто экономическим выводом из этого подчинения.

Поскольку производственная техника оставалась неизменной, постольку крестьянину приходилось затрачивать

¹⁾ В Германии этот процесс отчасти стоял в связи с ее экономическим упадком, наступившим вследствие перемещения главных центров мировой торговли к Атлантическому океану. Помещик, потребности которого развились в предыдущие два столетия повышающейся экономической конъюнктуры, был поставлен в обстановку, вынуждавшую возврат к натурально-хозяйственным отношениям. Но этот возврат выразился не в реставрировании феодализма, а — так как все историко-экономические отношения были иные — в том, что сеньер, который с XIII—XIV века начал было развиваться в земельного собственника, без собственного земледельческого хозяйства, с XVI века быстро превращается в помещика.

прежнее количество рабочего времени, чтобы произвести необходимые средства существования для себя и семьи. Следовательно, отбывание барщины достигалось или 1) просто удлинением рабочего времени крестьянской семьи, или, кроме того, 2) чисто механическим сокращением ее необходимого времени.

В первом случае абсолютная величина рабочего дня увеличивается. Время отдыха сводится к количеству, едва лишь достаточному для сна. В феодальную эпоху и зимой работали от восхода до заката солнца. Теперь, затрачивая значительную долю дня на помещика, крестьянин вынужден работать для себя ночью. Но помещик требует работы не только от него, но и от членов его семьи. До чрезвычайности расширилось применение женского труда в земледелии, местами, в особенности в Пруссии, началась жестокая эксплуатация детского труда. Весь тот дополнительный труд, который выжимался из крестьянской семьи, целиком составлял прибавочный труд, поступавший в распоряжение помещика. Общий характер перемен в положении крестьянина можно иллюстрировать такими числовыми отношениями, которые берутся просто для примера. Допустим, что в феодальную эпоху средняя продолжительность рабочего дня каждого члена крестьянской семьи составляла 8 часов; из них 2 отбывались в хозяйстве помещика и 6 оставались крестьянину. Увеличивая барщину, запрягая в нее женщин и малолетних, помещик доводит среднюю продолжительность рабочего дня, допустим, до 15 часов; из них крестьянину по-прежнему оставляется 6, а помещику идет уже 9 часов: прибавочное время увеличилось на 7 часов, с 2 до 9 часов. Следовательно, развитие крупного земледельческого производства сопровождалось развитием *чрезмерного труда* для крестьян.

Во втором случае, при прежней продолжительности рабочего дня, сокращается та его доля, которая остается в распоряжении крестьянина. До известной границы барщина увеличивается просто удлинением среднего рабочего дня членов крестьянской семьи. Пусть этой границей будет, напр., 15 часов; когда она достигнута, тогда дальнейшее увеличение барщины возможно лишь за счет сокращения необходимого труда, т. е. части рабочего дня, которая раньше оставлялась крестьянину. Свою пашню крестьянин обрабатывает только урывками, — по праздникам, по ночам; по первому требованию помещика он оставляет начатые работы. Крестьянка все чаще отрывается от домашних работ, младенцы остаются без всякого присмотра, мать заменяется для них братьями и сестрами, пока помещику не потребуются и их «рабочие руки». Каждый член крестьянской семьи работает, в среднем, по 15 часов ежедневно, как и в предыдущем случае; но из них на собственное хозяйство затрачивается уже не 6 часов, а $5\frac{1}{2}$ —5 часов или и того меньше. Соответственно сокращается и то количество продуктов, которое составляет

потребительный фонд крестьянской семьи. Таким образом одновременно с крупным частновладельческим производством выступает то характерное для жизни рядового крестьянства явление, которое называется *недостаточным потреблением*.

Барщиной нигде и никогда не исчерпывались повинности крепостного крестьянина. К ней присоединялся оброк, а в некоторых областях, напр., в Померании, он по своему значению далеко перевешивал барщину. Представляя лишь особый способ извлечения прибавочного труда из крестьян, оброк при своем возрастании приводил к тем же явлениям, как и растущая барщина: к чрезмерному труду и недостаточному потреблению. Увеличивая оброк, помещик заставлял крестьянскую семью увеличивать продолжительность рабочего дня; за известной границей увеличение оброков достигалось сокращением той части продуктов, которая раньше оставалась в крестьянской семье. Барщина, первоначально представлявшая просто прибавку к тому рабочему времени, которое рабочая семья должна затрачивать на удовлетворение собственных потребностей, впоследствии увеличивается вычетами из этого рабочего времени. Точно так же оброк, первоначально составлявшийся из продуктов, дополнительных к тому их количеству, которое необходимо для самой крестьянской семьи, с течением времени может увеличиваться уже только за счет этого необходимого количества.

Следовательно, крупная земельная собственность, означающая возрастающее безтрудовое потребление для одной стороны, уже при самом своем выступлении знаменовала для другой стороны возрастающую тяжесть труда и относительно или даже абсолютно падающее потребление. Помещичье хозяйство, производительное и потребительное, с самого начала строится на беспощадном отношении к рабочей силе непосредственного производителя. Деревня насильственно сводится к тому варварству, к тому зоологическому существованию, к тому хроническому недоеданию, переходящему в острые голодовки, о котором говорят потрясающие описания жизни крепостных крестьян во Франции и Германии, в Австрии и России. *Вырождение* широких масс населения было необходимым следствием хозяйничанья помещиков.

Крупное земледельческое производство, — организованное помещиками с целью выжимать из крестьян больше прибавочного труда, хотя технический базис оставался без изменения, — и в последующей своей истории носило в себе элементы не только технического застоя, но и *технической деградации*.

Крупная земельная собственность, как мы видели, возникала таким способом, что сеньер сокращал количество земледельческого населения до возможного минимума. Результат получался тот, что с данной площади земли в распоряжение помещика поступала все большая масса земледельческих продуктов, сырых и обработанных; и чем выше разви-

валось квалифицированное потребление помещиков, чем энергичнее разрезали они деревенское население, тем сильнее росли барщина и оброк, тем большая часть этой массы продуктов безвозвратно отнималась у деревни. От земли берется возрастающая сумма элементов, необходимых для питания растений, но все меньшее количество их возвращается для восстановления сил почвы. Таким образом крупное земледельческое производство, построенное на частной собственности, с самого начала выступает не только как расточитель жизненной силы крестьянства, но и как расточитель естественных почвенных сил.

Связанный с деревней просто как паразитический потребитель, т.-е. как получатель известной доли продукта, а не как участник производственного процесса, помещик—и вообще крупный земельный собственник, *как таковой*,—уже по самой своей природе не может выступить инициатором технических изменений. Его доходы получаются и растут не от его деятельности, а независимо от его деятельности. Вся его изобретательность направлялась в первую очередь на выжимание из крестьянства прибавочного труда и прибавочного продукта, и он выжимал возрастающее количество того и другого, просто пользуясь своей внеэкономической властью над крестьянами. Характерно, что в Англии сравнительно быстрый прогресс крупного земледельческого хозяйства начинается с конца XV века, во Франции и Германии со второй половины XVIII века. В России со второй четверти XIX века: в эпохи, когда фактическим хозяином становится капиталистический фермер, или когда городские буржуа начинают приобретать земельную собственность и, давая пример новой постановки сельского хозяйства, вынуждают старых собственников также обратиться от рутинных приемов выжимания прибавочного труда к более совершенной организации этого дела. Но в последнем случае перед нами выступает уже не просто крупный земельный собственник, а соединенный с ним в одном лице капиталистический земледельческий предприниматель. Следовательно, эти явления выводят нас за пределы крепостного хозяйства или, как было в континентальных странах Европы, лежат на его крайней границе.

Инициатива технических изменений не может исходить и от барщинного крестьянина. Он приносит в помещичье хозяйство не только свою рабочую силу, но, по большей части, и свой инвентарь, и свои приемы труда, и всю не просто крестьянскую, но еще и барщинно-крестьянскую психологию. Следовательно, тот мелочной и снабженный варварскими полномочиями контроль, которому обыкновенно подвергается барщинный труд, в лучшем случае может достигнуть только того, чтобы крестьянин в единицу времени затрачивал на барских полях такое же количество труда, как на своей запашке, и чтобы отношение к силам природы не принимало еще более хищнического характера, чем в собственном крестьянском хозяйстве.

До сих пор мы останавливались на таких крестьянских повинностях и помещичьих привилегиях, которые более или менее непосредственно связаны с производительным трудом в крестьянском или господском хозяйстве: мы исходили из предположения такого хозяйствования, в которое вносится наибольшая степень рациональности, доступная для данной системы экономических отношений. Расточение производительных сил оказывалось в результате даже такого хозяйствования. Между тем для крепостной системы как раз характерно, что она в самой своей основе противоречит хозяйственной рациональности, и что технически и экономически целесообразная постановка хозяйства не вытекает из ее существа, а скорее представляет случайное исключение. Пока остается хоть какая-нибудь возможность расширять потребление, механически увеличивая эксплуатацию зависимого крестьянства, производственный процесс несколько не интересуется помещика. Как чистый потребитель, он без всяких колебаний берет все, что только можно взять от поместья, вовсе не задумываясь над получающимся в результате разрушением производительных сил. Его исключительно потребительский взгляд на общественные отношения нашел яркое выражение в известном изречении, приписываемом Людовику XIV: «после нас хоть потоп», и, пожалуй, в еще более удачной формуле Фердинанда I австрийского: «еще хватит на нас с Меттернихом».

Из господства потребительского мирозерцания следует, что целый ряд помещичьих привилегий, которые многим историкам представляются просто «эксцессами» крепостного права, — настолько нелепы они с точки зрения капиталистической эпохи, — в действительности, были глубоко связаны с самым существом крепостной системы. Помещик в самый разгар страды отрывал крестьян, воспрещал крестьянам бороться с дичью, беспрепятственно истреблявшей поля, потому что охота — одно из благороднейших развлечений помещика. Можно было бы привести огромный список таких своеобразных крестьянских барщин и оброков, которые, разрастаясь с течением времени, иногда, напр., в годы большого размножения кроликов и голубей, превращались в истинный бич для крепостных. Особенно широкое развитие получили они во Франции, — хотя юридически крепостнические отношения считались здесь уничтоженными еще к началу нового времени. Экономически нелепое использование феодалных привилегий во Франции, вероятно, стоит в связи с преобладанием придворного дворянства, в котором потребительский тип достиг наибольшей выработанности. Но не малую роль играли они и в других странах. Только в редких случаях такого рода крестьянские повинности, — напр., обязанность беспрепятственно предоставлять господским кроликам и голубям прокорм на крестьянских полях, — служат основой для коммерческих операций помещика. Несравненно чаще это хищ-

ническое расточение сил природы и крестьянина своей единственной целью имеет непосредственное удовольствие помещика.

Кроме тех повинностей, исполнения которых требовал от крестьянина сеньер, превратившийся в помещика, зависимый крестьянин отбывал целый ряд повинностей в пользу сюзерена, превратившегося в монарха: кроме непомерно разросшихся феодальных повинностей, на него ложилась и главная тяжесть тех новых поборов и служб, которыми держится централизованное государство нового времени. Останавливаться на перечне этих повинностей нет надобности. Достаточно указать, что первоначальной их формой были барщина и оброк, и что в связи с этим крепостное сословие исторически было родоначальником так-называемых «податных сословий» позднейшей эпохи.

Как барщинно-обязанное сословие, оно обязано проводить и ремонтировать дороги, строить мосты, давать лошадей для проезжающего начальства, снабжать лошадьми, возчиками и подводами военные обозы. На его же плечи ложится и своеобразная государственная барщина, которая, отрывая крестьянских сыновей на целую жизнь, превращает эту жизнь в сплошной барщинный труд: солдатчина, рекрутчина.

Как оброчно-обязанное сословие, только крестьяне и несут всякие постоянные и экстраординарные, сборы разных названий,—все эти государственные десятины, тальи и т. д.; только у них и располагаются солдаты постоем, который зачастую сопровождается такими же опустошениями, как неприятельское нашествие.

По мере развития меновых отношений, многие из этих натуральных повинностей начинают заменяться денежными платежами, которые, естественно, главной тяжестью ложатся опять-таки на крестьянство. Помещичьи земли или совсем свободны от обложения, или несут платежи в таком размере, как того хочет помещичье и духовное сословие. Даже косвенные налоги организуются таким образом, что потомки феодалов имеют полную возможность уклоняться от них, и всю сумму этих налогов должны доставить крестьяне. Словом, новые потребности централизующегося государства удовлетворяются таким способом, что создаваемая им податная и налоговая система почти не затрагивает прибавочной стоимости, извлекаемой помещиком из крестьян, и представляет простой, все растущий надбавок к тому труду, который крепостные выполняют в пользу помещиков¹⁾. Раньше мы видели, что

¹⁾ Дворянство настолько срослось с податными изъятиями и привилегиями, что всеми средствами — и с блестящим успехом — старается сохранить их даже в новейшее время. Одним из сравнительно мелких, но очень характерных примеров могли бы служить колоссальные ведомки государственных и особенно земских сборов, которые накаплились за крупнейшими землевладельцами-аристократами. А так как земские и